

4. Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена Удельно-Вечевого уклада. Т. II. СПб., 1863.
5. Куницын А.П. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб. 1843.
6. Малышев К.И. Курс гражданского судопроизводства. СПб. 1879.
7. Муравьев В.Н. Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб. 1900.
8. Немиров Г.А. Торговый суд в России до 1832 г. // Вестник права. 1901. № 3.
9. РГИА, ф. 1261, оп. 2, 1866 г., ед. хр. 164 «А», л. 12-18.
10. ПСЗ-I. Т. II. № 408.
11. ПСЗ-I. Т. V. № 3318. П. 24.
12. ПСЗ-II. Т. VII. № 5360. П. 1, 2.
13. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: в 4 т. М.: Статут, 2003. Т. IV.

Цивилизационный процесс в религиозном измерении

к.и.н. Рыбина М.В.

Университет машиностроения

rybina@mami.ru

Аннотация: В статье анализируются тенденции обострения межрелигиозного противостояния по линии западной и исламской цивилизаций в современном мире. Автор выделяет основные проблемные точки и предлагает возможные пути разрешения конфликтов в контексте широкого интеллектуального движения за партнерство цивилизаций.

Ключевые слова: цивилизационный процесс, христианство, ислам, диалог культур.

Начало XXI в. стало временем кризиса во взаимоотношениях представителей различных религий, народов, культур. Обострение межрелигиозного противостояния (прежде всего ислама и христианства), которые мы наблюдаем сегодня во многих точках земного шара, сопровождается ростом экстремистских настроений как с той, так и с другой стороны. К сожалению, в определенной степени оправдывается известный прогноз профессора Гарвардского университета С. Хантингтона, по крайней мере, в той его части, которая характеризует современное постиндустриальное или информационное миросостояние как столкновение между цивилизациями, исход которого решит дальнейшую судьбу истории [1, с. 546–547]. Предсказанный же другим американским политологом Ф. Фукуямой «конец истории», понимаемый им как повсеместная победа западных, либеральных ценностей («Триумф Запада, западной идеи очевиден, прежде всего потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив» [с. 290]), представляется в настоящее время если не фантастическим исходом, то, по крайней мере, весьма и весьма отдаленной перспективой.

Технический прогресс и развитие науки, позволившие человечеству на рубеже XX – XXI вв. перешагнуть порог информационного общества, в основе своей секулярного, не снизили остроту религиозного вопроса. В условиях глобализации именно религия позволяет человеку сохранить связь с традициями своего народа и своей земли, ощутить свою инаковость. Религия остается цементирующей основой цивилизаций и играет все более и более существенную роль в их взаимоотношениях.

Наиболее ярко противостояние по линии западного и исламского миров проявляется, как справедливо заметил С. Хантингтон, «вдоль демаркационных линий, разграничивающих цивилизации», которая проходит сейчас по Средиземноморскому региону и странам Ближнего и Среднего Востока. Именно здесь в географическом плане наиболее тесно соседствуют западный и исламский миры; именно здесь христиане и мусульмане сосуществуют на одной территории, нередко образуя один народ и одно государство.

Сейчас христиане составляют около 2% населения по преимуществу мусульманских

стран Ближнего Востока (менее 7 из 300 миллионов жителей). В некоторых государствах этот процент выше: так, в Ливане христианство исповедуют около 40%, в Египте и Кувейте – по 10%, в Сирии и Иордании – по 6% населения. В Израиле христианами являются 3%, в Ираке – 2% [3, с. 28–41]. Сосуществование различных конфессиональных групп в одном политическом поле всегда порождало определенные трудности; в последнее время эти вопросы приобретают особую остроту.

Прежде всего, вызывает озабоченность резкое уменьшение численности христианского населения стран Ближнего Востока. В начале XX в. христиане насчитывали около 46% населения Османской империи [3, с. 36]. В 1943 г. в момент получения независимости Ливаном эта страна была преимущественно христианской, в 1948 г. каждый пятый житель Иерусалима исповедовал христианство [4, с. 7–8]. Стремительное отступление христианства с некогда своих территорий остро ставит вопрос о сохранении этих религиозных меньшинств, ключ к решению которого – в преодолении конфессиональной замкнутости и утверждении на равных правах с мусульманами.

Осуществлению этого мешают разные факторы, как внутренние – отсутствие идейной платформы для включения христиан в общественные структуры исламского государства [5], так и внешние – растущая конфронтация с западным миром, который пристально наблюдает за ситуацией во взаимоотношениях представителей двух конфессий и порой способствует провокации межрелигиозных противоречий. Иммиграция из мусульманских стран порождает ряд проблем и в самой Европе; растет влияние националистических и даже экстремистских движений. Политика мультикультурализма, предполагавшая раздельное сосуществование культур в пространстве одного государства, долгое время поддерживаемая европейскими странами, по признанию А. Меркель, Н. Саркози и Д. Кэмерона, фактически провалилась и не оправдала возложенных на нее надежд.

Перемены, которые принесла с собой «Арабская весна», прежде всего падения авторитарных режимов и усиление политического ислама, еще больше обострили ситуацию в регионе, четко обозначив линию конфликта. Религиозная карта разыгрывается разными политическими силами с целью завоевания и удержания власти, что провоцирует рост напряженности во взаимоотношениях мусульман и христиан.

Выделение региона Ближнего Востока как «демаркационной линии», где противостояние западного и исламского миров проявляется наиболее ярко, в целом не вызывает сомнений. Между тем, стоит отметить, что конфликт (откажемся пока от максимально жесткого определения С. Хантингтона «столкновение») цивилизаций наблюдается не только в этой зоне; он охватывает ряд стран, где тлеет уже многие годы. Пожалуй, одним из самых проблемных в этом отношении регионов становится Африканский континент, где межцивилизационные контакты Запада, исламского мира и традиционных африканских культур, осуществляющиеся нередко форсированными темпами на неравноправной основе, в настоящее время начинают приносить свои плоды, по большей части деструктивного характера.

Эпоха колониального господства оставила в качестве своего наследия большой груз проблем – искусственность межгосударственных границ, своеобразие экономической модернизации, разрыв между традиционным и вестернизированным сегментами общества (формирование «нового человека», африканца по духу, но ориентированного на социальные перемены, с которым некоторые исследователи связывают выход Африки из кризиса, затронул пока лишь небольшую часть общества), наконец, этнонационализм и клановость как основы власти.

В эпоху стремительной глобализации все эти проблемы не только не нашли своего решения, но, напротив, приобрели особую остроту. Традиционная африканская культура не успевает адаптироваться к изменениям, идущим от всепроникающей западной цивилизации, но вынуждена реагировать на новые вызовы (болезни, наркомания, антигуманность, воинствующий атеизм и проч.), обусловленные этим стремительным развитием.

Африка не может оставаться в стороне от мировых цивилизационных процессов, кото-

рые, как уже отмечалось выше, характеризует нарастающая напряженность во взаимоотношениях представителей разных конфессий, главным образом ислама и христианства – религий, которые исповедует большинство ее населения.

Ислам начал свое проникновение в Африку достаточно рано. В середине VII в. в ходе арабского завоевания ислам приняло население Северной Африки, в IX–X вв. – Восточного и Западного Судана. Христианство пришло в Африку позднее, в XV–XVI вв., вместе с европейскими миссионерами. Распространение ислама и христианства осуществлялось прежде всего за счет обращения последователей местных африканских традиционных культов, число которых постепенно уменьшалось. Остро соперничества между исламом и христианством не было. На 1900 г. сторонниками традиционных верований оставались 58% (63 млн.) африканцев, ислам исповедовало 32% (34,5 млн.), христианство – всего 9,2% (10 млн.). К 1984 г. картина существенно изменилась: приверженцев традиционных верований насчитывалось 12% (63 млн.), христианства – 45% (234 млн.), ислама – 41% (211 млн.), других религиозных культов – 2% (7 млн.) населения [6, с. 32–33]. Исследования последних лет показывают, что число мусульман и христиан в Африке на рубеже XX–XXI вв. примерно сравнялось, в начале XXI в. на лидирующие позиции вышли мусульмане. Согласно данным Исследовательской службы Конгресса США на 2009 г., мусульмане составляли 45,1% (371,459,142 млн.), христиане – 36,9% (304,313,880 млн.), сторонники местных верований – 16,7% (137,842,507 млн.), других религий – 1,2% (9,818,542 млн.) [7].

Эти цифры свидетельствуют об очень важных тенденциях, прежде всего – об уменьшении численности христиан и увеличении количества последователей ислама и традиционных верований на Африканском континенте. Если раньше ислам распространялся в большинстве своем (за исключением раннего периода, когда он вытеснял древнехристианские церкви Северной Африки) путем привлечения приверженцев местных культов, то теперь его ряды пополняются главным образом за счет экспансии на христианские территории. Эта экспансия грозит серьезными неприятностями – сталкиваются две крупнейшие миссионерские религии мира. Рост влияния местных культов, свидетельствующий об усилении среди африканцев тенденции по возвращению к своим корням, также несет в себе деструктивный характер. У ислама и христианства не осталось больше возможности для экспансии, кроме как за счет друг друга.

Африка довольно четко поделена на мусульманскую (Северную) и христианскую (Центральную и Южную) зоны; восточные и западные районы остаются районами столкновений религий. В Западной Африке представители двух религий сосуществуют в государствах Бенин, Буркина-Фасо, Кот д'Ивуар, Гвинея-Бисау, Нигерия, Сьерра-Леоне, Того, в Восточной Африке – в Кении, Малави, Мозамбике и Танзании (в восточно-африканских странах, как правило, также значительное число приверженцев традиционных религий). Эти государства в большинстве своем отличаются политической нестабильностью и перманентными конфликтами. В наиболее сложном положении находится сейчас Нигерия – самое густонаселенное государство Африки (154,6 млн., 2011 г., оценка). Жители Нигерии исповедуют в основном ислам (ок. 51 % населения) и христианство (48%, в том числе католики – 13,5 %, протестанты – 15%). Мусульмане преобладают на севере и на юго-западе, подавляющее число христиан живет на юго-востоке и на западе, сторонники традиционных верований рассеяны по стране [8].

Проникновение ислама и мусульманской культуры в Северную Нигерию началось еще в 9 в.; в Средние века здесь процветали государства Канем, затем Борну, в нач. 19 в. сложился халифат Сокото. Юг страны долгое время не испытывал влияние ни христианства, ни ислама; эта территория вошла в зону влияния Великобритании в 19 в., тогда же на юге распространилось христианство. В колониальную эпоху увеличился разрыв в экономическом, культурном и технологическом развитии двух частей страны, при том, что выходцы с более отсталого Севера, как правило, чаще привлекались к работе в колониальной администрации, чем представителями более образованного и экономически сильного Юга.

В 1960 г. Нигерия получила независимость в границах бывшей колонии. Но если в колониальную эпоху религии при всех их разногласиях в целом противостояли колониализму, то в последующие годы они утратили эту общую основу. Взаимоотношения христиан и мусульман обострились, особенно в регионах их компактного проживания.

В 1979 г. в ходе подготовки нового проекта конституции на обсуждение был вынесен вопрос о возможности утверждения принципов шариатского права в основном законе страны. По его результатам в конституцию было включено положение (глава 7, часть II, В, 240–244), согласно которому по усмотрению властей штатов там создавались апелляционные суды шариата. Мусульманские суды имели юрисдикцию только в случае согласия обоих участников процесса и рассматривали дела частного права. Внесение пункта о мусульманских судах штатов в конституцию страны в очередной раз продемонстрировало политический вес северян по сравнению с плохо организованными и пользующимися меньшей поддержкой федерального центра южанами. В 1980-х гг. религиозное противостояние до предела обострил вопрос о распределении природных ресурсов – большая часть нефти в Нигерии (ее промышленная разработка начата в 1950-х гг.) добывается на преимущественно христианском юге.

В 1999 г. после принятия новой конституции страны, оставившей в силе положение о шариатских судах штатов, конфликт вокруг вопроса о правомерности введения норм мусульманского права разгорелся вновь. Поводом к очередному витку напряженности стало учреждение в 2000 г. в преимущественно мусульманском штате Замфара шариатских судов, к ведению которых были отнесены не только частные, но и уголовные дела, рассматриваемые ранее только в порядке светского судопроизводства. К 2009 г. шариат применялся уже в девяти северных нигерийских штатах: Замфара, Кано, Сокото, Катцина, Баучи, Борно, Джигава, Кебби, Йобе. В штатах Кадуна, Нигер и Гомбе шариат практикуется в районах с преобладающим мусульманским населением.

С 2002 г. в стране начала действовать радикальная исламистская группировка «Боко Харам» (в переводе с языка хауса – «Западное образование – грех»). Ее лидеры, организаторы серии террористических актов по всей стране, выступают против светского образования и требуют введения норм шариатского права на всей территории страны. Страна находится в шаге от начала полномасштабного вооруженного противостояния последователей двух религий.

Очевидно, что взаимоотношения христиан и мусульман Нигерии не связаны исключительно с религиозным аспектом. Религиозный компонент тесно сплетен с этническими, традиционными родоплеменными институтами. Распределение ролей между различными народами и племенами складывалось на нигерийской земле на протяжении многих веков (религиозные верования обусловлены традиционными представлениями о земле, исторической принадлежностью тех или иных территорий тем или иным племенам), оно прочно сидит в сознании людей и, безусловно, не может быть изменено в одночасье. Что касается шариатских судов, то стоит признать, что эти суды, наравне с судами обычного права, уже много лет являются неотъемлемой частью нигерийской судебной системы и во многих, особенно сельских районах, не имеют себе альтернативы. Однако, не стоит забывать о том, что более 40% населения Нигерии не являются мусульманами, и потому вопрос о территориальной и юридической компетенции судов шариата должен решаться максимально осторожно.

Не стоит сбрасывать со счетов и внешнеполитический аспект: действующие в Нигерии иностранные нефтяные компании вызывают неоднозначную реакцию населения, нередки случаи нападения на офисы и сотрудников транснациональных компаний. Остро стоит проблема беженцев: по количеству эмигрантов в Европу Нигерия делит лидирующие позиции с Демократической Республикой Конго и Сенегалом. Страна находится в крайне сложном экономическом положении, для нее характерны высокий уровень коррупции и крайне низкая продолжительность жизни, существует опасность эпидемии СПИДа. При этом Нигерия претендует на роль ключевого игрока на политической сцене Африканского континента, а также

в странах мусульманского мира (с 1971 г. Нигерия является членом Организации исламского сотрудничества). Бывший президент О. Обасанджо совместно с представителями ЮАР активно участвовал в преобразовании Организации африканского единства в Африканский Союз в начале 2000-х гг., нигерийский воинский контингент составляет большую часть миротворческих сил Союза, дислоцированных в Дарфуре (Судан) и других проблемных зонах Африки.

Еще одной зоной перманентных конфликтов на этноконфессиональной основе в Африке является территория также бывшего владения Великобритании (формально в 1899–1956 гг. кондоминиум Египта и Великобритании) – Судана. Совсем недавно в июле 2012 г. на территории ранее единого Судана образовалось новое признанное международным сообществом государство – Южный Судан.

В отличие от преимущественного арабского и мусульманского Севера, Юг Судана населяют разновеликие, разноязычные и разнорелигиозные (главным образом приверженцы традиционных верований) группы, подчас соперничающие между собой и объединяемые лишь стремлением отстоять свою самобытность. В период колониального господства англичане целенаправленно изолировали южные районы от северных, выходцы которых формировали политическую элиту объединенного государства. Одновременно британские власти, как и в Нигерии, поощряли широкомасштабную миссионерскую деятельность на юге.

После получения независимости Суданом ситуация практически не изменилась: на место британцев и египтян во властных структурах пришли исключительно северяне, проводившую политику формирования единого полиэтнического общества на основании северной модели государственного развития.

Открытие в Судане запасов нефти в 1960–70-х гг., расположенных преимущественно в пограничных между севером и югом районов, еще больше обострило ситуацию – неизбежным, хотя и очень печальным ее исходом стало вооруженное противостояние севера и юга страны, в которое также неизбежно должны были вмешаться соседи и другие заинтересованные стороны. Лишь в январе 2005 г. стороны подписали т.н. Всеобъемлющее мирное соглашение, предусматривавшее проведение референдума о независимости Южного Судана [9, с. 65–128].

Образование нового государства Южный Судан не решило давних проблем. По-прежнему спорными остается принадлежность ряда территорий, в том числе нефтеносного района Абьей. В начале 2012 г. Судан и Южный Судан оказались на грани войны. В счет уплаты имеющейся задолженности за транспортировку нефти и спора о тарифах на транзит Судан начал изымать часть южносуданской нефти, а потом принял решение блокировать ее поставки на экспорт. В ответ Южный Судан приостановил добычу нефти на своей территории и приступил к переговорам о построении трубопровода через Кению (пока Южный Судан может поставлять нефть только через трубопровод до города Порт-Судан на Красном море). В сентябре 2012 г. стороны договорились о создании демилитаризованной пограничной зоны, после чего были возобновлены поставки нефти из Южного Судана через Судан. Однако достигнутое перемирие выглядит очень непрочным – договор о границах между странами до сих пор не подписан.

Стоит отметить, что помимо урегулирования отношений с Южным Суданом, перед суданскими властями стоит и ряд других не менее сложных проблем: Дарфурский конфликт, вооруженное противостояние центральному правительству в Восточном Судане, вопрос о самоопределении народа нуба (потомков автохтонного населения Судана). Южный Судан с конца 2013 г. также накрыло волной беспорядков представителей различных племенных группировок, стремящихся захватить власть в свои руки.

Приведенные примеры «цивилизационного разлома» на Африканском континенте не являются исключениями из правил. Это пусть и наиболее острые, но тем не менее характерные моменты во взаимоотношениях религий Африки. Ситуацию усугубляют и другие традиционные «болезни» континента: этническая разобщенность, бедность и безработица, этноре-

лигиозная основа власти, патернализм.

Необходимо добавить еще один важный штрих – особую религиозность африканцев. Недавно проведенное исследование «Pew Forum» показывает, что практически 90% африканцев считает религию важнейшей составляющей своей социальной жизни; по этому показателю Африка заметно опережает другие регионы мира. При этом, учитывая указанные выше «болезни» Африки, религиозность африканца окрашивается в пугающие тона – перед нами экзальтированный традиционалист, готовый в любой момент выплеснуть свое недовольство людьми иной веры [10].

Приведенные примеры религиозного противостояния на Ближнем Востоке и Африканском континенте свидетельствуют о возрастающей напряженности. Отмеченные выше тенденции распространения ислама, в том числе и за счет христиан, сопровождающегося «психологической войной», также несут в себе явную угрозу масштабного столкновения в будущем. В условиях активной миграцией населения это противостояние неизбежно затронет все уголки нашей планеты.

Сейчас напряженность во взаимоотношениях представителей разных религий все сильнее и сильнее ощущается в Европе и Северной Америке. Рост исламофобских настроений (здесь достаточно вспомнить историю с сожжением Корана пастором-евангелистом одной из церквей Флориды) и, как следствие, подъем националистических партий и движений вкупе с провалом политики мультикультурализма ставит вопрос о дальнейших путях взаимодействия христиан и мусульман на континенте. К слову сказать, мусульманское население Европы также возрастает; при этом, сама Европа, похоже, встала на путь дехристианизации, отказа от своих культурных основ, грозящей ей цивилизационным кризисом.

Таким образом, совершенно очевидно, что проблема взаимоотношения представителей различных религий будет в ближайшие годы определять развитие цивилизационного процесса. Ввиду этого особое значение приобретают инициативы по налаживанию реального диалога цивилизаций, в котором (и только в нем) залог выхода из сложившейся ситуации. Безусловно, идея диалога цивилизаций сама по себе не нова. Оставив в стороне вопросы богословского характера (хотя, разумеется, стоит признать, что они часто являются камнем преткновения и в решении практических проблем – приведем здесь риторический вопрос, поставленный со ссылкой на положение Ферраро-Флорентийского собора 1438–1442 гг. одним из ведущим отечественных специалистов по исламо-христианскому диалогу А. Журавским: «Действительно, можно ли всерьез говорить о диалоге с людьми, участью которых станет вечный ад, если они не обратятся в христианство?» [11, с. IX.]), отметим традиционно выделяемые общие точки соприкосновения религий: борьба с агрессивным секуляризмом и защита традиционных нравственных ценностей, идеалов семьи и брака, супружеской верности, забота о социально незащищенных членах общества и гарантиях их достойной жизни, противодействие таким порокам, как наркомания и проч., охрана окружающей среды, ликвидация оружия массового поражения, борьба с природными катастрофами. Учеными, политиками и экспертами выявлены возможные формы положительного взаимодействия цивилизаций (от диалога к партнерству), определены основы для предполагаемого сотрудничества [12].

Казалось бы, перед нами огромное поле для совместной работы, но где же ее результаты? Два крупных международных проекта взаимодействия цивилизаций – инициативы президента Ирана М. Хатами (1998 г.) и премьер-министра Испании Х. Л. Родригеса Сапатеро (2005 г.) – пока не принесли желаемых результатов.

Представляется, что главная проблема на пути к претворению в жизнь идеи партнерства цивилизаций является как пока еще академическая закрытость обсуждения проблем диалога, так и отсутствие понимания единой, приемлемой для всех модели и реальных механизмов ее осуществления. Безусловно, выработка этой модели потребует длительного времени, но приступать к ней необходимо уже сейчас.

Вероятно, импульс к широкому движению партнерства цивилизаций должен исходить

не только сверху, в рамках государственных или международных программ, но от самого общества, для которого диалог культур в наши дни – проблема нормального каждодневного общения. Инициативу следует взять на себя интеллектуальной элите разных культур и религий, прежде всего, связанной с образованием, играющим определяющую роль в формировании культурной и конфессиональной идентичности личности. Среди первоочередных задач – введение курсов по цивилизационному диалогу (как в рамках учебных программ, так и публичных), студенческие поездки в страны иной культуры и в страны, имеющие положительный опыт во взаимоотношении цивилизаций.

Особый акцент необходимо сделать на смягчении именно религиозного противостояния. В этой связи необходимо отметить особое положение России, страны, где межконфессиональный мир и добрые отношения между православными и мусульманами стали традицией. Россия с ее вековыми устоями веротерпимости, без сомнения, способна внести свой вклад в миротворческие усилия по разрешению межрелигиозных противоречий и передать полезный опыт другим народам.

Литература

1. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
2. Фукуяма Ф. Конец истории? // Кимелов Ю.А. Философия истории: Антология. М., 1994.
3. Dyron B. Daughrity. The changing world of Christianity: the global history of a borderless religion. N. Y., 2010.
4. Habib C. Malik Islamism and the Future of the Christians of the Middle East. Stanford, 2010.
5. Журавский А.В. Христианство и ислам. Социо-культурные проблемы диалога. М., 1990 // http://archive.sfi.ru/lib.asp?rubr_id=808.
6. Mbiti John S. Introduction to African religion. Nairobi, 1991.
7. http://www.law.umaryland.edu/marshall/crsreports/crsdocuments/RS22873_05092008.pdf
8. Рыбина М.В. Религии и политика Нигерия: пути взаимодействия // Азия и Африка сегодня. М., 2012. № 3.
9. Кудров Е.А. Судан на перепутье: война или мир? М., 2009.
10. <http://www.pewforum.org/executive-summary-islam-and-christianity-in-sub-saharan-africa.aspx>
11. Христиане и мусульмане: проблема диалога / Сост., вступит. статья и комментарии А. Журавского. М., 2000.
12. Яковца Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001.

ИСТОРИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Эволюция концепции кризиса в философии П.А. Сорокина

к.ф.н. доц. Головки Ю.В.
Университет машиностроения
yulia_golovko@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается концепция кризиса современного общества русско-американского философа и социолога П. А. Сорокина. Прослеживается развитие идей в данной области на протяжении всего творчества Сорокина, начиная с ранних работ и заканчивая зрелыми трудами. Анализируется значение концепции кризиса как для творчества П.А. Сорокина, так и социально-философской мысли в целом.

Ключевые слова: кризис, общество, кризисология, культура, культурная суперсистема, социальная динамика, ценность